

Сущёв Сергей

12+

Сергей Владимирович Сущёв

Сестричка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63540166

SelfPub; 2020

Аннотация

Великая Отечественная война длится уже второй год. В ноябре 1942 года санинструктор Наталья Александровна Качуевская в составе 105-го гвардейского полка участвует в операции "Уран". Как и тысячи медиков, она вытаскивает из-под огня раненых товарищей. 20 ноября ей приходится принимать судьбоносное решение.

Содержание

Штаб дивизии	5
Камлыкские степи	10
Холодный ноябрь	15
Начало операции	18
К полудню	24
На острие	31
Нелёгкий труд	35
Раненые	40
Затишье	48
А будет ли завтра	50
Спасённые	54
Эпилог	55

Сергей Сущёв

Сестричка

Ты в белом халате бредёшь по палате.

А кто-то в степи, в крови и грязи.

Ты врач современный, стерильный и бранный.

А кто-то под пулей, раны врачуя,

Солдата бинтует, жизнью рискуя.

Не будь привередлив, мой друг незабвенный,

И помни мгновенья, их жизней биенье...

Штаб дивизии

Серые рваные тучи плыли над степными равнинами. Ноябрь выдался сырым и ветреным. Сильные порывы промозглого ветра пробирали сквозь ватник до костей. В воздухе ощущалось веяние зимы. Серое небо могло разверзнуться, и на землю падали холодные капли дождя, застилая взор противоборствующим сторонам. А когда дождь перемежался, степь словно вытягивала всю влагу, оставляя чахлые растения колыхаться и сохнуть на порывистом резком ветру. В эти минуты воздух казался ещё более холодным. И хотелось втянуть шею поглубже в плечи, закутавшись в одежду как можно сильнее, сохраняя выветриваемое тепло.

Десяток полуторок неторопливо двигался по узкой просёлочной дороге среди бескрайней калмыкской степи. Солнце заходило, и на степь опускалась кромешная тьма. Фары на автомобилях затягивались кожухом, оставляя только узкую полосу, но и её шофера не спешили зажигать. Близость линии фронта заставляла водителей соблюдать светомаскировку. Машины никогда не доезжали до передовой, пополнение подвозили к штабу батальона или полка. Там красноармейцы спешивались, командиры получали назначение и маршем преодолевали оставшееся расстояние.

В грузовиках мерно покачивались солдаты, кто-то дремал, кто-то нервно потирал вспотевшие руки, напевая под

нос для храбрости.

– Товарищ сержант, разрешите обратиться?

– Разрешаю.

– Товарищ сержант, когда мы сможем бить врага, а то всё едим и едим?

– А ты боишься, что от скамьи задница плоской станет? –
Неспящие усмехнулись в рукава шинелей, стараясь не гоготать. – Не волнуйся, Семёнов, скоро нам представится такая возможность. Да и не только бить, а так бить что бы бежали без оглядки. Наши товарищи в Сталинграде жизни не щадя удерживают свору гитлеровских шакалов. Мы же будем их левым флангом, нам нужно ровняться на них, быть смелее и отважнее. Нужно бить врага так, чтобы земля под ногами у них горела.

Машины вырулили на возвышенность и покатались под горку. Вскоре из сумрака показались окопы противовоздушной обороны штаба, обложенные мешками. Закатное солнце, отражаясь от тяжёлых дождевых облаков, играло багрянцем на стволах 37 миллиметровых зенитных орудий. А впереди можно было разглядеть начинающиеся траншеи, окутанные маскировочными сетками. 28 Армия дислоцировалась южнее Сталинграда, успешно отражая атаки прихвостней Гитлера. Командованию казалось, что маятник войны остановился в своей верхней точке и начинал своё движение в обратную сторону. Немецкое наступление было остановлено, но сбросить врага с насиженного за летние месяцы места

пока не выходило.

Дорога свернула, и колонна полуторок выехала на ровный участок хорошо утрамбованной земли, прямо под стволы лёгких танков Т-26, а поодаль стояли угловатые бронемашины БА-64, в одной из которых ковырялся перемазанный красноармеец в чёрном комбинезоне. Автомобили остановились, петли жалобно заскрежетали, отворяя дверь в кабине первой полуторки. На землю быстро спрыгнул молодой лейтенант, оправляя форму, нахлобучивая шапку. Из траншеи к колонне вышел невысокий в потёртой форме капитан в сопровождении двух старшин. Лейтенант сделал несколько быстрых шагов, остановился возле капитана, и, приложив руку к виску, отрапортовал:

– Товарищ капитан, пополнение, направленное штабом армии, прибыло.

– Вольно, лейтенант. Командуй разгрузку, а потом пойдём вас ставить на довольствие в полку. Личный состав может оправиться. Ротные с нами.

– Есть! – Лейтенант приложил ладонь к виску и, повернувшись к машинам, громким командным голосом огласил:

– Слушай мою команду! Сержантам произвести разгрузку и opravку личному составу! Ротным проследовать для получения дальнейших распоряжений!

Площадка буквально загудела. Первые спрыгнувшие откидывали борта полуторок, позволяя другим снимать с кузовов тяжёлое вооружение и ящики с боеприпасами. Один

из ординарцев направился к машинам, а старшие офицеры пополнения направились к ожидающему капитану. Отсалютовав друг другу, офицеры направились по затянутым маскировочной сеткой траншеям. Перед дверью блиндажа их встретил пост охраны штаба, бойцы, вооружённые автоматами, пристально вглядывались в подошедших. Поприветствовав офицеров, солдат отошёл от двери, приоткрывая её. И как последний из ротных был поглощён слабым светом блиндажа, тут же затворил за их спинами деревянную дверцу.

Блиндаж освещался масляными лампами, расставленными по всем углам, избавляясь от неосвещённых мест и глубоких теней. У правой стены стоял огромный стол, вокруг которого толпилось много офицеров. Капитан выдернул оттуда усатого писаря и передал новоприбывших ему.

– Списки личного состава передадите ему, – капитан указал на усача, – он ваших людей поставит на довольствие в полку. Опосля посидите, вам поставят задачу, – кивнул на лавочки, идущие вдоль стены.

На такой лавочке ближе к углу блиндажа сидела молоденькая девушка. Заметив её, капитан вздохнул и направился к ней.

– Товарищ Качуевская, – обратился он к ней, – вы всё ещё здесь. Неужели снабженцы не обеспечили всем необходимым полковой госпиталь? Или у вас есть ещё какие незавершённые дела?

– Обеспечили, Василий Макарович. Я бумаги привезла.

И...

— И опять на передовую проситься пришла. Ходатайство о переводе в снайперы отклоняю, — укоризненно проговорил капитан.

— Но..., — твёрдым голосом попыталась возразить девушка.

— Эх, товарищ Качуевская, — покачал головой капитан, — была бы моя воля, оставил бы вас в тылу ухаживать за ранеными. А на передовую разрешал только парням идти, — он ещё раз мотнул головой, — в ближайшее время получите приказ о прибытии на передовую вместе со всеми санинструкторами. Кандрашов! — Окликнул он писаря.

— Я, товарищ капитан!

— Бумаги принял у товарища Качуевской?

— Так точно!

Капитан вновь повернулся к девушке. Та улыбалась открытой задорной улыбкой. Желание попасть на передовую сбылось, теперь она вновь сможет помогать товарищам непосредственно в бою. Покряхтев не по возрасту, Василий Макарович покачал головой и, чуть наклонившись, по-отцовски молвил.

— Ну, ступай. До Хулхута отправляется машина. Прямо до госпиталя. Ступай, а то пешим строем придётся идти. — Девушка отсалютовав направилась к выходу из блиндажа.

Камлыкские степи

Спустя полчаса Наташу Качуевскую уносила потрёпанная полуторка. Закутавшись в шинель, она смотрела куда-то вдаль, туда, где небо смыкалось с землёй. К началу войны ей исполнилось всего 19 лет. И как тысячи молодых людей, первокурсница ГИТИСа Наташа Спирова стремилась попасть на фронт. Раз за разом юная студентка получала отказ. Но не опускала рук, с упорством писала прошение военкому.

В голове, как фотокарточки проявлялись лица молодых смеющихся солдат. Всплывали картины воинских частей, что посещала их концертная бригада, состоящая из не окончивших института молодых актёров. Она собрала и возглавляла их, стараясь хоть чем-то помогать фронту. Им было немногим меньше тех смеющихся и задорно хлопавших красноармейцев. Но отчего-то именно лица необстрелянных юнцов вспомнились Наташе.

Машину покачивало, свет фар выхватывал редкий кустарник, росший вдоль обочины. От этого монотонного движения начинало клонить в сон. Перед глазами поплыла дымка забытия, и в этой пелене, как на экране дома культуры прорисовывались концерты в госпиталях. Они пролетали, не задерживаясь, кроме того, где состоялась первая встреча с Павлом Павловичем Качуевским, командиром специального отряда.

Шумными овациями сопровождался последний номер, показанный артистами в тыловом госпитале. Наташа наблюдала за импровизированным залом из-за небольшой шторки, сделанной на скорую руку на манер театрального занавеса. Это было не первое их выступление, но она всё равно волновалась, хоть и не показывала этого открыто. На плечо аккуратно легла рука, большая сильная. От неожиданности Наташа вздрогнула.

– Извините, я вас напугал, – послышался мужской громкий шёпот. Наташа обернулась. Рядом с ней стоял высокий мужчина, опирающийся на палку-трость, – у ваших товарищей хорошие номера, бойцы прибывают в приподнятом настроении.

– А вы почему здесь, а не в зале?

– Хотел поблагодарить артистов от ребят и себя самого. То, что вы делаете, очень нужно для поднятия настроения раненых.

– Странно, я вас не видела в зале.

– Это потому, что моё место во-о-он там, – тихонько потянул мужчина, указывая на дальний ряд, – мои товарищи в третьем ряду.

– Отчего же вы на самой галёрке?

– Командир должен заботиться о своём личном составе даже на излечении.

Так их первое знакомство и произошло. Павел оказался внимательным и заботливым мужчиной. Наташа была очаро-

вана им, встречи стали частыми. Прогуливаясь по больничному парку, где Павел проходил реабилитацию после очередного ранения, они много общались. Он не рассказывал о войне, не пытался вскружить голову ратными подвигами. Рассказы его были о людях, служивших с ним в одном отряде.

«Мама, он такой добрый, честный и заботливый, ему доверяют свои жизни множество людей, и я свою готова доверить, – рассказывала она матери Александре Леонидовне, – он мне самый родной и близкий, я готова идти за ним в огонь, и в воду».

А вскоре Наташа и Павел поженились, их желание быть вместе было обоюдным, и война не могла встать на их пути.

– Слышь, дочка, – окликнул её шофёр, – расскажи что-нить, а то гляди того засну за баранкой. Третьи сутки без передыху кручу.

Наташа восторгалась, отгоняя видения драгоценных мгновений прошлого. За рулём сидел усатый мужичок лет пятидесяти, кряжисто покашливал в кулак и изредка потирал глаза, позёвывая, встряхивая головой.

– А о чём рассказать? – Девушка провела ладонью по лицу, оставляя дремоту позади автомобиля.

– Да хоть о чём, где жила... – шофёр широко зевнул, – я вот, из-под Ярославля, у нас там такая природа. Идёшь по

лугам, от запаха цветов голова кружиться начинает. А ягоды какие в лесу ягоды! М-м-м...

— А я из Москвы. До войны училась. Успела закончить только первый курс ГИТИСа, это институт театрального искусства.

— Студентка? — Наташа мотнула головой. — Ну, ничего, война закончится, и сможешь вернуться к учёбе, — он немного помялся, — все вернёмся.

Грузовик качнуло на ухабе, и дорога пошла в горку. Наташа стала рассказывать о своём детстве, и как прошёл её первый год учёбы, как прекрасна Москва весной. Она говорила, что приходило в голову. Водитель теребил ус, побрякивал, потирал глаза, а иной раз и сам вставлял в разговор историю или байку. Так они и доехали до Хулхута. У посёлка их остановил патруль. Офицер проверил документы и накладные, а солдат осмотрел кузов. Машина ехала в госпиталь за медикаментами для передовой, и осматривать в полуторке было нечего. Так что через минуту полуприкрытые фары автомобиля освещали своим тусклым светом тёмные улочки у госпиталя.

— Ну, вот и приехали, дочка. Ступай, а я скажусь главврачу, да спать. А то от усталости мы еле-еле добрались. Пару часов на сон, а там снова за баранку. Да и у тебя дел непросторот будет.

Шофёр погасил фары, и белое здание поглотила ночь. Оно казалось заброшенным, с пустыми глазницами окон. Плот-

ные занавеси укрывали жизнь и суету внутри госпиталя, не пропуская на улицу и малейшего лучика, дабы не навести вражеские самолёты на место положения жизненно важного объекта.

Холодный ноябрь

В ночь на 20 ноября младшие офицеры вывели весь личный состав на позиции. В кромешной тьме, ёжась под ледяным ветром, Наташа наблюдала за бойцами, проходившими мимо медицинского блиндажа. Она вглядывалась в лица красноармейцев, вспоминая своего дорогого и любимого мужа. Их счастье было коротким. Почти сразу после их свадьбы Павел Павлович Качуевский был отправлен в спецотряд партизан «Вторые», ведущий подрывную деятельность под Могилёвом. Прошло уже несколько месяцев, как Наташа ушла на фронт, окончив курсы санинструкторов, а о нём так ничего и не было ей известно. Но она верила, что они встретятся, может быть это будет сегодня, а может завтра.

Тяжёлый сорок второй год подходил к концу. Встретившие в середине лета вооружённую до зубов 6-ую армию вермахта бойцы 62-ой и 64-ой Рабоче-крестьянской Красной армии заставили остановиться слаженный механизм третьего рейха. В ожесточённых Сталинградских боях красноармейцы сковали элитные немецкие силы. Не помогала фашистам и поддержка их союзников, 8-й итальянской и 2-й венгерской армии. А 4-я танковая на улицах города на Волге оказалась малоэффективной. Увязнув в советской обороне, немцы вынуждены были топтаться на месте, а впоследствии прекратить наступление, так и не выполнив поставленной за-

дачи переправиться через Волгу, перерезав жизненно важную артерию Советского союза.

Холодными иголками снег летел Наташе в лицо. Под прикрытием разыгравшегося ненастья красноармейцы подошли к переднему краю незаметно. Как поговаривали, мамалыжники не любили мёрзнуть в продуваемой колючими ветрами степи. А в такую непогоду авиационная разведка не могла подняться с аэродромов для вскрытия перемещений Красной армии.

К рассвету ненастье начало утихать, засыпав степь толстым ковром пушистого снега. Солнце ещё не показалось над горизонтом, но рассветный сумрак уже отступал. Белый ковер начинал искриться в лучах восходящего под лиловыми тучами светила, слепя солдат, заставляя их жмуриться.

105-ый гвардейский полк, где служила Наташа, готовился к отчаянному рывку до вражеских позиций. Даже при поддержке танков прорвать хорошо укреплённые и эшелонированные позиции румын было делом трудным и грозило большими потерями. Санинструкторам предстояли тяжёлые деньки. Каждый санитар в полку понимал свою задачу, кажущуюся со стороны очень примитивной.

«Наша часть отважно била гитлеровцев, по-гвардейски, потом нас отвели в тыл на отдых и пополнение. Скоро ненавистный враг опять будет получать по первое число от нас. (Писала Наташа в своём письме маме.) Хочу быть снайпе-

ром, чтобы самой убивать проклятых фашистов, топчущих нашу землю. А пока ухаживаю, как за родными братьями, за ранеными нашими товарищами.»

Начало операции

Вместе с ярко жёлтым краем солнечного диска, показавшегося над горизонтом степи, из-за закрытых позиций раскатисто огласили начало артиллерийской подготовки гаубицы. По всей линии фронта грохотала канонада. На переднем крае румынских укреплений задрожала земля и начала подниматься на дыбы со страшным грохотом, устилая белый снег грязными комьями. Сорокакилограммовые снаряды вызывали детонацию минных заграждений, расчищая передний край для пехоты.

Не успели утихнуть последние звуки гаубиц, как завизжали реактивные снаряды грозных машин, названных ласково «Катюшами». Ракетные взрывы поднимались огненными валами, выжигая позиции румын. Земля горела у них под ногами. Жужжание ракет сменялось грохотом и свистом тяжёлых гаубичных снарядов. Смертельный металл летел в глубь обороны румын. То тут, то там взлетали бревенчатые блиндажи, словно хворост, подброшенный озорным мальчишкой. Снаряды заваливали траншеи, смешивая фашистов с землёй и выпавшим снегом.

Часовая артподготовка ещё не отгремела, как в небо взлетели красные сигнальные ракеты. Лейтенанты, сжимая в ладонях оружие, срывая голоса, перекрикивали вой и взрывы, вдохновляли бойцов на ратный подвиг. В этом грохоте рёв

танковых моторов стал отчётлив только при их приближении к траншеям. Не дожидаясь стального кулака, командиры поднялись вперёд, увлекая товарищей в стремительную атаку. Тысячи сапог вступили на ровную белую простыню выпавшего снега, сминая, оставляя тёмные следы на побелевшей степи. Санинструктора и санитары ждали, пока танки не пересекут припорошенный бруствер.

Тяжёлая машина, лязгая гусеницами о катки, устрашающим грохотом перескочила через край и устремилась на врага. Смятый бруствер мёрзлыми комками осыпался внутрь траншеи. По спине у Наташи пробежал холодок от легко сминаемого укрепления, а каждый скатившийся комок земли пробегал мурашками по телу. Это был не первый её день на передовой, но подобное зрелище всегда вызывало оторопь.

Как только стальной кулак немного отдалился от траншеи, догоняя впереди бегущую пехоту, десятки санитаров поднялись им вслед. Наташа вместе с товарищами старалась двигаться позади бронированного корпуса впереди едущего танка. Сердце у Наташи замерло в ожидании. Так было всегда, пока не увидишь первого убитого, не перебинтуешь первого раненого. После этого тело само выполняет всё, словно механически, страх уходит, пока не остановишься передохнуть. А дальше всё сначала.

Вскоре танки поравнялись с последними рядами наступающей пехоты. Казалось, ещё немного, и вот они враже-

ские окопы. Но с позиций врага открыли редкий оружейный огонь. Пули засвистели над степью. То тут, то там кто-то вскидывал голову кверху или просто останавливался и падал, обнимая заснеженную землю. Кто половчее да повыносливее, стрелял на ходу в ответ. Грозные машины останавливались, урча, и пулемётным огнём сбивали врага с разрушенных насыпей.

Пригнувшись, Наташа старалась не споткнуться и не смотреть под лязгающие гусеницы танка. Мысли о том, что грозная машина вот-вот выбросит из-под тяжёлых траков переломанное, разорванное на куски мёртвое тело, она старалась гнать как можно дальше от себя. Но это было тяжело, мёртвые часто приходили во снах, особенно в первое время, заставляя просыпаться в холодном поту. За эти два месяца она повидала всякого, приходилось иной раз и оружие брать в руки. Девушка уверенно стреляла по врагу, руки после этого не дрожали. А меткости мог позавидовать опытный стрелок.

Танк остановился и дал длинную очередь по вражеским траншеям. Один из санитаров выскочил из-за брони и кинулся вперёд, пока машина ещё не успела тронуться. В десяти метрах перед танком лежал красноармеец, раскинув руки. Сильным рывком паренёк протащил тело по снегу, оттягивая бойца из-под гусениц, оставляя на снегу багровое пятно. Озябшими руками санитар нащупывал пульс на шее, но жизнь уже покинула солдата. Тяжёлая машина, рыча и ляз-

гая, прошла мимо них.

– Жив? – Выкрикнул кто-то рядом. Сидящий на снегу парень покачал головой. Наташа облегчённо выдохнула и осмотрелась. Справа, метров в тридцати лежал боец с поднятой рукой, а дальше темнели ещё две фигуры.

– Василий, давайте за мной, – сказала Наташа, похлопав по спине рядом идущего.

Прижимаясь к земле, они зайцами выскочили из-за танка. Шальные пули жужжали где-то рядом. От этих песен по спине пробегал холодок. «Вот она смерть прошла рядом», – проносились мысли в голове у Наташи, словно вражеские пули. А, может, эта была моей? Нет, прошла мимо. Стон раненого быстро заполнил сознание, очистив мысли хрупкой девушки.

– Куда тебя? – Выдохнула Наташа.

– Не... не... знаю, – запинаясь, прохрипел молодой парень, – дыша-а-а-ать тяжело...

– Василёчек, расстегай ему шинель, аккуратно. Я сейчас, – быстрым движением Наташа распахнула медицинскую сумку и вынула всё необходимое для перевязки. – Приподнимай.

Василий аккуратно приподнял голову и быстрым движением протиснул руку под шинель, позволяя Наташе снять её с плеч. Боец вскрикнул и стиснул зубы, завыл.

– Потерпи, родной, пуля в рёбрах застряла. Сейчас перебинтуем и в медсанбат, а там и в госпиталь поправляться, –

приговаривала она, а сама, знай, накладывает тугую повязку. – Готово. Тяни его. – Наташа погладила раненого по лицу, нежно смахивая холодный пот. Повернулась и на полусогнутых побежала к лежащим неподалёку.

Раскинув руки, словно желая обнять небо, солдат смотрел своими голубыми глазами на серые дождевые тучи. Казалось, он просто прилёг на холодный снег, чтобы полюбоваться чистым, как его глаза небом. Так когда-то делала и сама Наташа. Припав коленями к сырой и холодной земле, санинструктор положила руку на его шею и замерла. Сердце солдата молчало. Отведя взгляд от замерших глаз солдата, она заметила разорванную на боку шинель от прошедшей насквозь пули. Девушка прикрыла глаза и сжала зубы, пытаясь удержать крик, рвущийся из груди. Они не были знакомы и ни разу не виделись, хоть и служили в одном полку. Горечь, страх и скорбь терзали сердце, но нужно было идти дальше. Спасать тех, кого можно было спасти.

Не поднимаясь, Наташа на четвереньках поползла к скорчившемуся чуть поодаль товарищу. Почувствовав чьё-то приближение, красноармеец зашевелился. Его руки вцепились в бедро, сквозь пальцы сочилась багровая кровь, а в глазах читалась дикая боль. Ловким движением девушка извлекла из сумки жгут и бинты. Маленькие ладошки бесцеремонно перетянули бедро выше ранения. Однако руки красноармейца не разжимались.

– Кровь сейчас остановится, но нужно перебинтовать ра-

ну, – Наташа положила свои ладошки раненому на кисть, стараясь оттянуть её от раны, – помогай мне, давай родной, ослабь руки, – приговаривала она, отрывая окоченевшие кисти. Руки солдата не слушались. С огромными усилиями ей удалось ослабить хватку, – теперь нужно наложить повязку, и окончательно остановить кровотечение.

Закинув винтовку за спину, санинструктор Качуевская помогла ему приподняться. Морщась от боли, солдат перекатился на кусок брезента, служивший санитарам носилками. Ухватившись покрепче, девушка потянула раненого по белому снегу. Несколько минут тяжёлого труда санинструктора, и солдата осматривал фельдшер, решая дальнейшую судьбу красноармейца. А доставившая его Наташа положила ещё бинты в сумку и отправилась назад.

К полудню

Свист пуль участился. Прихвостни немцев плотнее занимали разрушенные артиллерийским ударом укрепления. Местами под пулемётным огнём красноармейцы закапывались в мёрзлую землю, останавливая наступление. Под шквальным свинцовым дождём неприятеля пехота вынужденно передвигалась на животе от кочки к кочке. Танкисты сбавили скорость, чаще останавливались, выцеливая вражеские огневые точки. Один-два фугаса – и вражеский пулемёт умолкал. За первый час наступления кое-где на многокилометровом фронте позиции врага удалось прорвать. И в траншеях начинался ад рукопашной схватки.

Группа санитаров перекатилась по брустверу первой линии траншей. Над их головами хмурилось серое неприветливое небо. От утреннего солнца не осталось и следа, а облака готовы были разверзнуться траурным плачем. Вдалеке гремел неутихающий бой. Слегка пригибаясь, сжимая в руках брезентовые носилки вместо винтовок, бойцы красного креста, распределились по два-три человека и веером направились навстречу вражескому свинцу.

В очередной раз Наташа пересекала нейтральную полосу. Где-то там сражались её товарищи, и раненым необходима была помощь. Четыре тысячи шагов отделяли жизнь от смерти, и она, задумываясь, преодолевала их. Чем ближе к вра-

жеским траншеям, тем ниже пригибались санитары. Вскоре они разделились, осматривая лежащих на земле товарищей.

Подобравшись поближе к остановившемуся танку, Качуевская припала к земле, озираясь по сторонам. Пули чиркают по броне, рикошета в шальном беспорядке. Семидесятишести миллиметровое орудие ухнуло, а корпус тридцатьчетвёрки слегка вздрогнул. Наташа открыла рот и помотала головой, стряхивая лёгкое жужжание в ушах, но оно никуда не девалось, а перерастало в свист. И недалеко от прикрывавшего её танка упала мина, разбросав во все стороны смертоносные осколки. Танк ещё раз оглушительно выстрелил, и тихонько двинулся вперёд. За лязгом грозной машины свист мин различался только перед самым взрывом. С правой стороны танка в большой воронке устроился боец с ручным пулемётом. Каска, пробитая насквозь, валялась рядом, а волосы слиплись от густой крови. Парень то прятался, то вновь выныривал и бил очередь по траншее врага.

Санитар выскочил из-за корпуса тридцатьчетвёрки. До раненого было всего лишь метров десять. Позади застрекотали автоматы. Наташа оглянулась. Отделение красноармейцев огибало танк со всех сторон. Пригибаясь, ведя огонь на ходу, они спешили занять следующие вывороты земли. Секундный свист – и Наташа прижалась к земле. Взрыв. Мина ударилась о наклонную броню, не причиняя вреда машине. Взрывная волна сбила с ног всех, кто был с правого борта танка. Осколки большей частью ушли в землю, но тех, что

достались ближайшим солдатам, хватило с лихвой.

В ушах гудело, Наташа попыталась тряхнуть головой, но быстро оставила попытки избавиться от последствий лёгкой контузии. Поднявшись на четвереньки, она поползла в сторону упавших товарищей. Ближайший к танку солдат был буквально изрублен осколками. Наташа поспешно отвернулась в другую сторону, смотреть на окровавленное изуродованное смертоносным металлом тело ей было невмоготу. Отвернувшись, глаза девушки заметили лежавшего поодаль санитаря. Внутри у Наташи всё похолодело. Надежда теплилась, как уголёк в прогоревшем костре. Внезапно тело шелохнулось. Сердце её замерло и оборвалось, крупный осколок вошёл санитару под основание черепа. Из-под тела санитаря поднялся на четвереньки красноармеец, потряхнул головой, подхватил автомат и на подгибающихся ногах нетвёрдой походкой побрёл вперёд. Рядом кто-то поднялся, она хотела его осмотреть, но тот отмахнулся, показывая куда-то правее. Подобравшись к лежащим друг на друге бойцам, девушка облегчённо вздохнула. Эти были живы. Распахнув санитарную сумку, бегло осматривала, оценивая сложность многочисленных ранений. Лежащий сверху лейтенант буквально прикрыл товарища, получив большое количество ранений левой стороны тела.

Осторожно стащив лейтенанта, Наташа убедилась, что второй боец почти не пострадал, рваная рана на руке казалась пустяковой. Красноармеец вдохнул полной грудью, вы-

дохнув что-то о тяжести своего командира. Ловкими движениям Наташа наложила бойцу повязку на предплечье, не домотав до конца, вручила хвост от бинта раненому.

— Давай дальше сам, мотай потуже, а то крови много поте-
ряешь, — тот мотнул головой, давая понять, что всё понял, —
хорошо, а я займусь лейтенантом. Перебинтуешься, иди...

Девушка подняла глаза, а красноармеец уже бежал к вра-
жеским траншеям, затягивая бинт зубами на ходу. Осуди-
тельно мотая головой, Наташа вынула из сумки свёрток ме-
таллической сетки с маленьким ножиком, чтобы распороть
рукав шинели. Аккуратно вправив сломанную руку, начала
накладывать негнушуюся сетку для фиксации кости. Где-то
рядом упала мина. Наташа инстинктивно прикрыла ранен-
ного, защищая от падающих комий земли. Закончив бин-
товать опасные раны, вынув последний бинт, она подполз-
ла к краю воронке и скатилась в неё. На дне красноарме-
ец трясущимися руками вложил последний патрон в диск и
захлопнул крышку. Девушка остановила его механические
действия и начала перевязывать жуткую рану на голове.

Поднявшись к раненому лейтенанту, Наташа посмотре-
лась. Неподалёку лежали оставленные брезентовые носил-
ки. Не поднимаясь, поползла на коленках к ним. Разрывы
мин отдалялись от неё, но горячие осколки с землёй всё ещё
осыпали. Ухватившись за лямки, она заторопилась назад.
Развернув брезент, Наташа стала переворачивать лейтенанта
на бок, подкладывая носилки. Сквозь пробитую осколками

ткань было видно окровавленный снег. Раненый застонал.

– Потерпи, родной, – зашептала Наташа, впрягаясь в лямки, – потерпи, сейчас уже идём.

Упершись в промёрзлую землю, девушка стряхнула окровавленный снег с ладоней и, вцепившись покрепче в лямку, потянула носилки. Через несколько минут от тяжести сгорбленная спина затекла и начинала ныть. Распрямить во весь рост было рискованно, то и дело слышался свист шальных пуль румын.

В какой-то момент Наташа распрямилась и сильно дёрнула носилки, подаваясь вперёд. Послышался треск, и брезент лопнул, а тело продолжило двигаться вперёд, ноги не успевали, и она уткнулась в белый, как ей показалось, горячий снег. На раскрасневшемся лице снег быстро таял. Она оценивающе посмотрела назад, на свои позиции. Две трети пути были преодолены. Раненый товарищ открыл глаза и пристально посмотрел в небо.

Наташа встала, подняла автомат и закинула его себе за спину. Села у головы, упёрлась пятками в мёрзлую землю и потянула за ворот шинели на себя, потом снова чуточку отодвинулась назад, упёрлась и опять потянула. Левая рука красноармейца лежала на животе, освобождённая из рукава, а полурастёгнутая шинель упиралась подмышку, образуя импровизированные носилки волокуши. Чтобы не думать о плохом, она начала считать свои тяжёлые шаги. «Ещё немного», – твердила она себе, – «и будут спасительные траншеи,

а там короткий отдых».

– Эй, – послышался хриплый голос. Наташа остановилась, – санитар... – Поправив мешавшийся на боку автомат, девушка придвинулась к раненому.

– Потерпите, товарищ лейтенант, ещё немножко.

– Как наше наступление? – Прохрипел раненый.

– Скоро ворвёмся в траншеи врага. Всё идёт хорошо. Только не разговаривайте, берегите силы, – полушёпотом, переводя дух, тараторила Наташа, осматривая залитую грязью и кровью степь.

Десятки санитаров пересекали степь, доставляя раненых в батальонные и полковые медицинские пункты. Десятки тысяч медицинских сотрудников по всему фронту трудились, спасая жизни солдатам. Её взор был направлен туда, где 105 гвардейский стрелковый полк готовился к стремительному рывку на вражеский бруствер.

Наташа отёрла снегом лицо и потянула раненого к спасительным блиндажам, где развернуты были первичные медпункты. «Быстрее, быстрее», – подгоняла она себя. Тяжесть безвольного тела вдвойне наваливалась на её хрупкие плечи. «Ещё чуточку», – думала Наташа, – «вот она насыпь». Руки слабели, намокшая шинель выскальзывала из озябших пальцев. С каждым раненым расстояние до медицинских пунктов становилось всё дальше и дальше.

– Санитары! – Выкрикнула она, упершись в холодную земляную насыпь. Из-за бруствера выскочило двое мужичков.

Они ловко уложили лейтенанта на носилки. Наташа попыталась встать, но ноги не слушались и предательски не сгибались, словно деревянные. Наташа нахмурилась. Всего четвертого тяжёлого донесла, а силы уже на исходе. Помотав головой, она заставила себя встать.

Передав в медицинский пункт документы и оружие раненного, Качуевская наполнила сумку бинтами, перевязочными пакетами. Выдохнув усталость, Наташа решительно вышла, желая помочь хотя бы ещё одному, прежде чем силы совсем оставят её.

На острие

Молоденький лейтенант на переднем крае, засунув пригоршню снега в рот, огляделся. Его взвод залёг, а танки вот-вот соприкоснутся с передними шеренгами и уйдут вперёд, оставив пехоту и себя без прикрытия. Пулемёт врага нещадно лупил по степи, рыхля землю, не давая подняться красноармейцам. Проклятья вперемешку с мыслями, «что же делать», метались в голове лейтенанта. Сплюнув, он приподнялся на локтях и во всё горло заорал.

– Автоматчики, слушай приказ! Готовим гранаты! Как танки выдут на полкорпуса вперёд, делаем рывок и закидываем окопы с мамалыжниками.

Ползущий недалеко танк по-прежнему не замечал злополучное пулемётное гнездо, прижавшее атакующих к земле. Надеяться на удачу не приходилось, если только на себя и на снайпера, идущего где-то позади, если он ещё был жив. К первой шеренге подползали бойцы с автоматами, секунды тянулись, а минуты казались вечностью.

Ещё немного, и танки выдвинутся вперёд. Правый остановился. Тяжёлая машина качнулась, замерла на секунду. Из ствола вырвалось пламя и пороховая копоть, а от звука выстрела у ближайших солдат зазвенело в ушах.

Куда бы танк ни стрелял, пулемётный расчёт врага прятался за бруствер, а эти секунды упускать было нельзя.

Взводный вскочил на ноги, матеря фрицев, на чём свет стоит, стремительно кинулся вперёд, ведя огонь из автомата по быстро приближающимся траншеям румын.

Около залёгшего пулемётного расчёта врага жахнул фугас, вздыбив землю. Следуя примеру командира, с земли поднялись сначала кто побезрассуднее да посмелее, а затем и все остальные. Кто мог, стреляли по укреплениям. Прицельность стрельбы сейчас была им неважна, главное – подавить врага, чтобы он спрятался в своих укрытиях и не высывался.

Лейтенант бежал со всех ног. Перекопанные артиллерийским огнём траншеи приближались всё ближе и ближе. ППШа в последний раз дёрнулся в руках и, опустев, затих. Не сбавляя темпа, молодой парень закинул его за спину и потянулся к гранатам.

Умолкший пулемёт и ответный град свинца заставили румын залечь над бруствером, где он ещё был. Мамалыжники не решались высываться, старались стрелять поверх бруствера вслепую, наугад. Но даже и этого хватало, чтобы красноармейцы теряли своих товарищей.

Рядом кто-то вскинул руки и повалился на снег. Лейтенант пригнулся: траншея была совсем рядом, дёрнул кольцо и, выпрямившись, швырнул гранату. Не останавливаясь, он сделал два широких шага и метнул ещё одну, а затем плюхнулся в воронку на перемешанную со снегом землю.

Вражеские укрепления содрогнулись. Молодой парень ле-

жал на спине, судорожно хватая воздух ртом. Руки ощупывали автомат, пытаясь нащупать защёлку магазина. Металлический крючок лязгнул, барабан выпал на грудь, а озябшие трясущиеся пальцы полезли в подсумок.

Красноармейцы перевалили через бруствер. Там, где разорвались гранаты, ни живых, ни раненых не было. Те же, кто уцелел, торопливо бежали по ходам сообщения во вторую линию траншей. Однако, бог войны так прошёлся по укреплениям румын, что не только первая, но и вторая, и даже третья линия были сильно повреждены. Бежавшим приходилось подниматься из осыпавшихся ходов, попадая под огонь наступающих красноармейцев, а закрепиться на разрушенных фортификациях, дезорганизованным прихвостням третьего рейха было втрое сложнее.

– Не давайте им закрепиться, гони мамалыжников! – Буквально ревел лейтенант. Его взвод занимал оборону у первой линии укреплений, а нужно было идти вперёд, прорываться дальше.

Где-то справа затрещал пулемёт. Страшный треск пилы Гитлера затих в ушах молодого Лейтенанта. Секунду назад он вёл вперёд своих товарищей, глядя врагу в лицо, а сейчас почему-то сероватое небо, медленно плывущее перед глазами. Шума боя не слышно. Странная тишина окутала его. В ушах кроме глухих ударов больше ничего не слышно. Вот чей-то расплывающийся образ заслонил часть неба, нависая над его лицом. Он что-то говорит, потом достаёт что-то из

своей сумки, и опять что-то говорит. «Кто это», -прикосновение небольших ладошек к нему. Но странно, он не слышит и почти ничего не чувствует. Образ постепенно проясняется: это девушка, перепачканная бурой кровью. Вот она снова склонилась над ним, чуть выющийся локон выскочил непослушно из-под шапки. Сознание стало уплывать с растаявшей медсестрой. Он почувствовал, как её ладони вцепились в шинель, и лёгкое волочение стало отдавать пока ещё слабой болью. Тьма сгущалась, в этом сумраке девичий голос шептал «Держитесь, товарищ лейтенант, всё будет хорошо».

– Сестричка... – всё, что он смог вымолвить.

Нелёгкий труд

Лёгкий Советский танк взобрался над траншеей, вертя башней. Как только машина остановилась, последовал выстрел из башенного орудия. Клубы пламени и пороховых газов вытолкнули осколочный снаряд куда-то вправо. Холмик в сотне метров поднялся в воздух, разбрасывая в разные стороны куски плоти и окровавленные остатки пулемёта.

Т-50 дрогнул, гусеницы, лязгнув, потащили сырую землю в траншею, обрушая края. Машина начала набирать ход, закапываясь в распаханном артподготовкой укреплении. Гусеницы поползли вверх, поднимая корпус высоко в небо. Солдаты обходили с разных сторон ревущий танк. Но тут мотор зачихал и заглох. На позициях рядом с машиной на секунду воцарилась тишина. Т-50 грузно шлёпнулся, преодолев траншею. По корпусу, словно в колокол стучали зенитные пули. Хорошая половина рикошетила, другая не пробивала, оставляя огромные выщербины на броне. Красноармейцы из траншей открыли по позиции зенитке ответный огонь, но бронированный щит надёжно укрывал врага. Из огромной воронки рядом с орудием поднялся боец, широким размашистым движением метнул за станину зенитного орудия гранату и упал ничком на землю. Взрыв посёк орудийный расчёт.

Вперёд на полном ходу вырвалась тридцатьчетвёрка, вле-

тая во вражеское орудийное укрепление, сминая покорёженную пушку. На её корпусе держалось отделение автоматчиков. Сняв гусеницами на развороте пулемётное гнездо, танк остановился, давая штурмовой группе спрыгнуть с брони. Бойцы молниеносно реагировали на движение в траншеях, предугадывая действия фашистов. Граната летела в сторону сорванной маскировочной сетки в проём укреплённого дота. Очередь направо по траншее, рывок вперёд, и вновь граната за дверь блиндажа, очередь по кидающимся врукопашную стрелкам. Тридцатьчетвёрка медленно продолжает движение вдоль траншеи, выискивая вдалеке себе в прицел врага. Выстрел из башенного орудия метров в ста с землёй подбрасывает в воздух группу убегающих фашистов.

Крышка люка остановившегося Т-50 откинулась, из танка показалась окровавленная голова в шлемофоне. Осмотревшись, танкист стал выбираться из машины, помогая себе одной рукой. Вторая безвольно болталась. Пехота уже обошла его машину и ушла вперёд, тесня оставшиеся очаги сопротивления румын, оставляя убитых и раненных позади, развивая успешную атаку.

Парень с красным крестом на сумке, перемахнув через разрушенный бруствер, заторопился к грозной машине. Вскочив на корпус, санитар подхватил за пояс раненного танкиста, помогая выбраться из стальной ловушки.

– Есть ещё кто?

– Мехвод, ещё шевелился... – выдохнул танкист, опира-

ясь спиной о катки своей машины. Санитар перебинтовал серьёзные раны на скорую руку, останавливая кровотечение, после чего юркнул в башенный люк танка.

Механик водитель ещё был жив. Осколки буквально изорвали тело третьего члена экипажа, а дневной свет проникал сквозь 37 миллиметровую броню, словно через дуршлаг.

Санитар высунулся из люка, осматривая первую линию оставленных врагом траншей, внимательно выискивая кого-то пристальным взглядом. Чуть поодаль мелькнула шапка.

– Санитар! – Выкрикнул он, – Здесь у танка! Помогай!

Наташа пробиралась по развороченным траншеям, заваленным землёй и трупами, пригибаясь от шальных пуль. Девушка старалась не наступать на мёртвых, поскользнуться на мертвце и упасть к нему, было жутковато. Перебравшись через нейтральную полосу, санитары и санинструктора организовывали медицинские пункты в уцелевших блиндажах. Из такого вот пункта Наташа вышла навстречу опасности. Бой гремел совсем рядом. Враг был сломлен, но бежать по голой степи не спешил, вгрызаясь сильнее в последние свои укрепления. Мысли об эвакуации тяжёлых с передовой крутились у Наташи в голове. Теперь уже на руках их не отнёсёшь, нужен был транспорт. Окрик остановил её. Встрепенувшись, санинструктор Качуевская приподнялась над краем траншеи. Никого не было видно, как второй оклик притянул её взгляд. Из башенного люка, высунувшись, махал ей

рукой парень, а рядом с танком сидел перевязанный танкист.

Парень вновь спустился в танк и потянул за плечи механика водителя. Худощавое тело танкиста, словно налитое свинцом не желало покидать своего кресла. С трудом он подтянул его на себя и отчаянным рывком поднял вверх, встряхнув раненного так, что тот застонал. «Живой», промелькнуло у санитаров в голове, удерживая раненного у командирского люка, где маленькие ладошки ухватились за комбез, и потянули дальше. Упершись плечом в пропитавшиеся кровью штаны танкиста, медленно подталкивая его из стальной братской могилы, девушка аккуратно приняла раненого, перебирая пальцами его форму, чтобы уцепиться поудобнее. Уставшим рукам необходимо было надёжно держать бойца, чтобы его израненное тело не выскользнуло в решающий момент. Вытянуть на свежий воздух из душного железного заточения безвольного танкиста даже для двоих было тяжело.

Наташа туго стянула последний виток бинта и завязала узелок на повязке тяжело раненного танкиста.

– Ну, вот и всё, теперь нужно к медпункту, – девушка тяжело вздохнула, – пора идти, – Больше для себя говорила Наташа, нежели сидевшим рядом.

Санитар помог подняться командиру боевой машины на ноги, а затем подхватил импровизированные носилки, и они заторопились к блиндажу, где была возможность в скором времени покинуть передовую на спасительном транспорте.

Виляя то вверх, то вниз по заваленным траншеям врага,

они вышли к уцелевшему большому блиндажу. На шум их тяжёлого дыхания они слышали оклик: «Стой, кто идёт!». «Да свои!» – был ответ санитаря. И вооружённый боец медицинской службы облегчённо вздохнул, опуская оружие. Бой гремел уже где-то в нескольких километрах от них, но санитары и санинструктора не оставляли раненых без присмотра. Тот, кто приходил с раненым, оставался, а немного отдохнувший покидал блиндаж, уходя на передний край.

Раненые

Войска Красной армии продвинулись глубоко в оборону врага. Облачное серое утро после промозглой непогоды ночи не позволило люфтваффе подняться в воздух. Ослепшее командование румын не представляло масштаба наступления Красной армии. Тем самым не смогло организовать сильного сопротивления. Оборонительные рубежи были прорваны во многих местах. Разрозненные группы в панике бежали из своих укреплений под натиском советских солдат.

Девушка дышала на озябшие ладошки, пытаясь их согреть, но они отзывались лишь покалыванием. День ещё не закончился, а пальцы у Наташи уже немели и отказывались сгибаться. Она прятала их подмышки, ёжась от усталости. Ногам хотелось подогнуться, а телу улечься поудобнее, но она заставляла себя стоять, хотя бы опершись о насыпь траншеи.

Из блиндажа вышел санитар.

– Товарищ санинструктор, побудьте пока с ранеными. Вам необходим отдых.

– Я в порядке, – возразила Наташа, но парень остановил её.

– Конечно в порядке, но кто-то должен остаться с ними. Помочь словом, если придётся. Вскоре сюда приедет транспорт, его необходимо встретить. Наш сержант уже отправил

за машинами. Передадите раненых и вернётесь к нам.

Наташа качнула головой. Раненых солдат было действительно много. А женский голос успокаивал лучше мужского. Боль и тревога быстрее проходили, если их будет снимать женская рука, словно рука матери.

Санитар закинул сумку за спину и одним рывком выскочил из траншеи туда, где гремел бой, уже не такой яростный, как час назад, но всё же стреляли там не в воздух. Качуевская провожала взглядом ушедшего к передовой санитаря. Тот пригибался, медленно пробираясь по изрытой степи, нырял в воронки, а то в полный рост поднимался и бежал куда-то вперёд. Наташа отвернулась, подняла уставшие руки и вновь попыталась согреть их своим дыханием. Отдых с удвоенной силой навалился усталостью на плечи, прижимая её голову к земле. «Нужно взбодриться», – подумала Наташа, – «не время отдыхать, ещё много дел впереди». Многие ждут её помощи, на поле боя и за дверью в тёмном блиндаже. Наташа подняла взгляд над траншеей, провожая удаляющегося санитаря, повернулась лицом к блиндажу, собираясь войти, как автоматная очередь оглушительно пронеслась над разрытой степью где-то совсем недалеко.

Сердце сжалось в груди так сильно, что она не могла дышать, а потом заколотилось, предчувствуя беду. Обернувшись, Качуевская стала искать вдалеке ушедшего парня, но его ни где не было. Сердце Наташи остановилось совсем, когда справа от их медицинского пункта появились фашисты.

Они были ещё далеко, и направятся ли к ним, было не понятно. Но страх уже пополз по спине.

Мысли сумбурно бились в голове. «Бежать, спрятаться!» «Нужно затаиться, авось пройдут мимо!» Первые шальные мысли санинструктор гвардейского полка немедленно отогнала от себя. «Тебе доверены жизни советских людей, тяжелораненных солдат. Бежать – значит предать их, предать себя, предать страну.» Трезвый расчёт также возражал и другим надеждам. «Нет, раненых много, и кто-нибудь да застанет в бессознательном забытии.» Наташа пригнулась, из такого положения следить за фашистами уже не могла, но и выдать себя тоже. А значит и привести врага к раненым не сможет. «Что же делать?» Задавала уставшая девушка себе один и тот же вопрос. Ответ возник сам собой, словно молния, ударившая в сухое дерево.

Наташа вошла в блиндаж, прикрывая аккуратно дверь, чтобы та предательски не хлопнула. Глазами она искала, чем можно было бы вооружиться. Проходя рядом с ранеными, чья-то рука ухватила её запястье. Боец слабо потянул девушку к себе. Наташа склонилась, чтобы разобрать скрипучий шёпот парня.

– Во-во-дицы бы, сестрич-ка, – прерывисто прошептал раненый. Наташа открутила крышку фляги и, быстро смочив тряпицу, она приложила намокшую ткань солдату к губам, смачивая их.

– Потерпи, немножко нужно потерпеть. Скоро вас отпра-

вят в госпиталь, — Рука Качуевской опустилась раненому на лоб, смахивая слипшиеся волосы и успокаивающе поглаживая. — Будь сильным, ты ещё повоюешь. — Она хотела пойти дальше, но рука раненого вновь уцепилась.

— Ещё...

— Нельзя, миленький, с твоим ранением нельзя. — Наташа отняла руку просившего и осторожно отложила её. Пальцы наткнулись на подсумок с гранатами. — Потерпи, всё будет хорошо, я обещаю, — утешала Наташа, сама же осторожно вынула из подсумка пару гранат и переложила себе.

Тех, кто мог передвигаться в блиндаже было крайне мало. Организовать сопротивление в траншее против фашистов они бы не смогли. Смогли бы только погибнуть. Обойдя небольшой блиндаж, заполненный ранеными, санинструктор Качуевская подхватила винтовку и направилась к выходу.

— Ты что задумала, сестричка? — Голос был тихим, но крепким. Обладатель преградил путь санинструктору. Говорил так, чтобы никто не услышал его.

— Так нужно, — нахмурилась девушка. В голосе была твёрдая решимость.

— Нужно, так нужно, — кивнул преградивший. Это был раненый танкист, пришедший с ней. — Возьми лучше ППШа. В траншее сподручней будет. — Танкист указал на прислоненный к лавке автомат. — Стреляй короткими, а не то быстро останешься без патронов, — добавил он, протягивая ей здо-

ровой рукой запасные магазины.

Очутившись на воздухе, Наташа сняла шапку, чтобы та не слишком привлекала внимание, стала оглядываться. Ужас объял её, когда она поняла, что ненавистные фашисты совсем рядом с ней. Каски то и дело мелькали в разрушенных траншеях меньше, чем в сотне метрах.

Трясущимися руками она прижала автомат к груди, закрыв на секунду глаза. Решение было принято. Одев поплотнее шапку, Качуевская выскользнула из траншеи и попластунски кинулась подальше от блиндажа с ранеными. Каждую секунду девушка ожидала встретить смерть, но выстрелов в спину не было. Перекатившись в воронку, она попыталась отдышаться, но сердце колотилось, как сумасшедшее, подливая кровь к голове. Сделав последний выдох, Наташа сняла автомат с предохранителя и, дёрнув затвор, дослав патрон в ствол, встала в полный рост.

Пули звонко стукнули по каскам, попавшим в Наташин прицел. Неожданная очередь заставила румын остановиться и залечь в траншеи. Прерывисто нажимая на спусковой крючок, она отходила дальше и дальше, не давая подняться врагу. Автомат глухо щёлкнул и затих. Сердце у девушки остановилось. Недолго думая, она повернулась спиной к опасности и побежала в сторону разрушенного оружейного укрепления. Искуроченная пушка валялась в траншее чуть поодаль, а часть насыпи из мешков была всё же цела и давала хорошую защиту и обзор.

Рывок, ещё рывок. Наташа боялась обернуться и увидеть нацеленное в неё оружие, ожидая каждую секунду встретить неминуемую гибель. И вот раздался позади стрекот немецких шмайсеров и румынских орит. Били не прицельно, а от злости навскидку. Пули зажужжали над головой, а под ногами взлетали фонтанчики земли и снега. Девушка упала в спасительную воронку, не добежав до цели. Руки уже не чувствовали холода. Затаила дыхание, старалась успокоить колотящееся в груди сердце, одним движением она отсоединила магазин, потянулась за запасным. Ей казалось, что делает это она слишком медленно, и фашисты вот-вот появятся над ней. Запасной барабанный магазин словно не хотел доставаться из медицинской сумки, за что-то зацеплялся. Окоченелыми пальцами Наташа вынула его и, вновь затаив дыхание, приладила к автомату. Защёлка щёлкнула, и только после этого девушка, шумно выдохнув, продолжила дышать.

Подобравшись к краю воронки, она передёрнула затвор. Аккуратно высунула поверх земли автомат и дала короткую очередь наугад, куда-то в сторону поднимавшихся из траншеи румын. Затем поднялась на колено и длинной прицельной очередью прошла по не успевшим укрыться врагам. Наташа готова была бежать дальше, уводя фашистов от беззащитных раненых, но тяжёлый свинец просвистел над головой, и что-то тёплое обожгло висок, а шапку сорвало с головы, растрепав волосы. Широким прыжком она пересекла расстояние до полузаваленной траншеи, скрывшись в ней.

До желанного укрытия оставалось метров пять по открытому пространству. Такой рывок скорее всего стоил бы ей жизни.

Стараясь быть как можно меньшей целью для врага, Наташа ползком пересекла осыпавшуюся часть траншеи, оставляя раненых, удаляясь от блиндажа. В голове билась лишь одна мысль: «необходимо увести фашистов как можно дальше от раненых товарищей». Проходя мимо стрелкового гнезда, она произвела несколько одиночных выстрелов. Ответный огонь быстро заставлял её покинуть позицию. Выстрелы противника слышались всё ближе и ближе. Дистанция сокращалась, ещё несколько минут, и скорее всего она окажется в кольце. Всё реже ей удавалось задержаться на одном месте. Всё чаще враг распознавал её движение, не давая стрелять прицельно. Осознавая безвыходность, Качуевская двинулась назад, откуда она вводила врага. Пройдя несколько стрелковых гнёзд, девушка остановилась у следующего, осторожно приподнялась над бруствером. Метрах в двадцати пяти, из огромной воронки высунувшись по пояс, выцеливал её появление румын. Затаив дыхание, Наташа подняла автомат и совместила мушку с целиком, ППШа громогласно шмыгнул. Не задерживаясь над окопом, она пригнулась и выскочив из укрытия уткнулась в широкое тело мужчины преградившего траншею. От неожиданности и страха палец сжал спусковой крючок. Свинец буквально разорвал шинель врага в клочья, откинув тело назад. Магазин опустел, девушка от страха кинулась в сторону, заметив ход сообщения между траншея-

ми, повернула туда. Крики окружавших её врагов звучали совсем рядом.

За вторым поворотом ход оказался завален. Наташа, как можно ниже прижимаясь к земле, поднялась. Монотонный звук МП 40 ударил по барабанным перепонкам, что-то больно кольнуло её в бок и чуть выше колена. Кубарем она скатилась в траншею. Пули рвали землю за её спиной.

Затишье

Вдалеке затихал бой. Оборона была смята. Враг бежал, оставляя позиции и всю материальную базу. Первый эшелон далеко ушёл вперёд. Гвардейцы 107-го полка следовали во втором эшелоне для того, чтобы закрепиться на ключевых позициях, пресекая прорывы, зачищая недобитых врагов, способствуя развитию успеха операции «Уран». Красноармейцы бодро шагали по степи к указанным высотам. Третья рота первого батальона была на острие движения, когда во вражеских траншеях послышалась перестрелка одинокого ППШа с автоматами противника.

– Первый взвод, прибавить шаг! – Рывкнул ротный.

Вся, как один красноармейцы прибавили темп, ожидая неизбежной схватки. У некоторых руки чесались до драки. Позади послышался звук быстро приближающегося автомобиля.

– Василий, а ну, тормози малахольного! – Скомандовал капитан.

Боец перегородил путь полуторки, размахивая оружием, принуждая остановиться. Водитель осторожно нажал на тормоза, стараясь, чтоб порожнюю машину не занесло. Капитан запрыгнул на подножку, осматривая кабину.

– Кто таков, куда на рожон прёшь?

– Рядовой Еремеев, санитарный батальон, товарищ ка-

питан. Еду забирать раненых из временного медицинского пункта.

– Твою ж... – сплюнул капитан, – впереди идёт бой. Возьмёшь моих людей, они закрепятся возле вашего пункта до прихода остальной роты. Валерьянов! – Гаркнул ротный. – Слушай приказ! Бери отделение и на полуторке мчитесь до медицинского пункта. Там занимаешь оборону. Обнаружишь противника, сковываешь огнём, держишь до нашего подхода. Понятна задача?

– Так точно!

– Исполни́й. – Капитан спрыгнул с подножки, освобождая бойцам место для погрузки. Солдаты быстро запрыгнули в кузов, ошестинившись, как ёж перед лисой. Водитель нажал на педаль газа, и вооружённая полуторка помчалась туда, где располагался медицинский пункт, и слышались выстрелы.

А будет ли завтра

Острая боль прошла по всему телу, выбивая из глаз слёзы. Наташа немного повернулась, поправляя свою санитарную сумку. Откинув клапан, девушка сунула руку внутрь. Совсем рядом слышалась непонятная чужая речь, голоса медленно приближались к месту её укрытия. Качуевская пыталась заставить двигаться ноги, но они упорно не желали этого делать, отдавая в голову резкой болью. Слёзы вновь покатались из глаз, а пересохшее горло застыло в немом крике. Дрожащая рука потянула холодный металл из сумки. Голоса были совсем рядом метров в пяти, и сердце от страха и боли готово было выпрыгнуть из груди. Прижимая гранату к груди, девушка напрягла остатки сил и с пронизывающей болью выдернула чеку, взведя механизм взрывателя. В глазах плыло от слёз. Неуверенным махом, Наташа швырнула её в сторону ненавистного врага. Взрыв не заставил себя ждать, земляная крошка осыпала её, а голоса приближающихся фашистов смолкли.

Воспользовавшись передышкой, она отсоединила магазин и вынула последний. Усталость убаюкивала, тело расслаблялось. Мысли плыли в голове, перелистывая значительные события её короткой жизни, но не задерживаясь ни на одном, унося сознание куда-то вдаль. Тяжёлая поступь сапогов вырвала девушку из забытия, возвращая в жестокую ре-

альность. Морщинистый румын выглянул из-за поворота. Расслабленное положение тела, осыпанное землёй ослабило его внимание, глаза врага на секунду поднялись, осматривая траншею впереди. Палец прижал спусковой крючок, автомат подбросило от длинной очереди, а свинцовый град раскрыл голову врагу, как арбуз, уходя вверх. Страх перед близкой смертью вбросил в кровь адреналина, заставляя подниматься с холодной земли, заставляя бороться с костлявой.

Наташа встала, в боку страшно жгло от боли. Цепляясь за край траншеи, попыталась шагнуть, опираться на раненную ногу было нестерпимо больно. Повесив автомат на шею, одной рукой она зажимала кровоточащую рану в боку, другой помогала себе держаться. Санинструктор Качуевская прижалась спиной к стенке траншеи и поковыляла прочь, волоча раненую ногу.

Каждый метр девушка останавливалась и, подняв окровавленными руками автомат над траншеей, делала несколько выстрелов в разные стороны. «Только бы враг не пошёл к блиндажу с ранеными. Только бы задержать их, сбить с выбранного маршрута.», — подумала Наташа, как выход из хода сообщения в траншею второй линии преградил вал из брёвен и досок вперемешку с землёй. Забравшись повыше, она сделала последний выстрел, и тяжёлый сапог пнул её по рукам, выбивая опустевшее оружие. Кисть онемела, казалось, что пальцы сломаны, а боль в боку сильно отозвалась и пробежалась по всему телу. Не успев вскрикнуть, Наташа почув-

ствовала, как её схватили за ворот и с ненавистью и страшной силой рванули вверх и вбок. Пуговицы отлетали от шинели, когда её безвольное тело оторвалось от земли, а через секунду мёрзлая земля больно остановила её взлёт. В глазах потемнело.

Сознание вернулось от сильной боли от очередного удара в живот. Стоявшие над ней фашисты, что-то грубо кричали, видать оскорбляли её, а время от времени пинали зло посмеиваясь. Наташа поняла, что лёгкой смерти ей ждать не придётся. Сколько костлявая ни бегала за ней по траншее, а умрёт она здесь страшно и мучительно. Что с ней хотели сделать озверевшие враги, она гнала прочь от себя. Сквозь дыры в разорванной шинели холодный ветер немного успокаивал ноющее тело. Почувствовав под собой медицинскую сумку, Наташа постаралась опустить в неё руку. Увидев шевеление девушки, особо скалящийся фашист снова пнул её. В глазах потемнело, Наташа скорчилась, но боль тут же вывела мутное сознание из забытия, и рука прощмыгнула под клапан сумки.

Металл приятно лёг в ладонь, из глаз брызнули слёзы и радости, и скорби. Пинок по рёбрам опрокинул её на спину. Молодая двадцатилетняя санитарный инструктор Наташа Качуевская широко улыбнулась своим врагам, говоря, что они не сломали её, не победили. Фашист занёс свой сапог, чтобы ударом стереть с лица улыбку, как взрыв гранаты перебил осколками ему обе ноги, раскидывая стоящих ря-

дом, забирая Наташину жизнь.

Спасённые

Машина подъехала, как можно ближе к месту расположения медицинского пункта. Красноармейцы ещё на ходу стали прыгивать, торопясь занять оборону и обнаружить врагов, с которыми вёл неравный бой одинокий автомат. Взрыв прокатился под серыми облаками, и над полем боя повисла тишина, только пара десятков сапог стучали по промёрзлой, обожжённой, перекопанной снарядами земле. Бойцы торопились, траурное молчании ППШа подстёгивало гвардейцев. Вдруг одинокий боец ещё жив, и у него просто закончились патроны. Они бежали туда, где оседал дым, туда, откуда тянуло свежим запахом гари и жжёного пороха.

Гвардейцы 107-го полка остановились возле девушки с опознавательными знаками санинструктора. Вокруг лежало несколько истекающих кровью румын, свежие раны фашистов говорили, что бойцы пришли правильно. А одинокий автоматчик – это хрупкая девушка медик, взявшая оружие, чтобы отвести врага от раненых товарищей. Пожертвовав собой, она повторно спасла два десятка бойцов Красной армии. Выполняя свой долг, возможно, она выполнила и своё предназначение, перечеркнув карьеру актрисы, уйдя на фронт, взяв в руки оружие, спасая жизни тем, кто не мог за себя постоять.

Эпилог

Вечная память тем, кто своими малыми или большими поступками привёл к краху нацизм, даровав народам мир в 1945 году.

Санинструктор Наталья Качуевская была похоронена на месте гибели недалеко от села Хулхута в калмыцких степях.

После войны останки Натальи Александровны были перенесены в братскую могилу посёлка Яшкуль, где захоронено 593 советских солдат, которые погибли во время Великой Отечественной войны.

Указом Президента Российской Федерации от 19.02.1996 № 212 «О награждении государственными наградами Российской Федерации активных участников Великой Отечественной войны 1941-1945 годов», награждена посмертно медалью «За отвагу».

Звание Героя Российской Федерации Качуевской Наталье Александровне присвоено посмертно Указом Президента Российской Федерации от 12 мая 1997 года № 472 за «мужество и героизм, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов».